

Интеллигенция, интеллектуалы и социальные функции интеллекта

Михаил Эпштейн

* Михаил Наумович Эпштейн — филолог, культуролог, эссеист. Родился 21.4.1950 в Москве. Закончил филологический факультет МГУ (1972). С 1978 г. — член Союза писателей. Основатель и руководитель московских ассоциаций творческой интеллигенции: Клуб эссеистов (1982-1988), “Образ и мысль” (1986-1989), Лаборатория современной культуры (1988-1989). С 1990 г. живет и работает в США. В 1990-91 г. — сотрудник Центра Вудро Вильсона (Кеннановского института) в Вашингтоне. С 1991 до настоящего времени — профессор университета Эмори в Атланте (Samuel Candler Dobbs Professor of Cultural Theory and Russian Literature). В 2012-2015 годах — профессор Университета Дарема (Великобритания), директор и учредитель Центра гуманитарных инноваций. Основные темы исследований: методология гуманитарных наук, философия культуры и языка, поэтика русской литературы, постмодернизм, семиотика повседневности, эволюция лексики и проективная лингвистика, перспективы развития метафизики и теологии. Автор сетевых проектов “ИнтеЛнет” (с 1995 г.), “Книга книг” (с 1998), “Дар слова. Проективный лексикон русского языка” (с 2000 г.), “Веер будущих. Техно-гуманитарный вестник” (2000-2002). Основатель и руководитель Экспертного совета “Слово года” и “Неологизм года” (с 2007 г.). Лауреат премий Андрея Белого (С.-Петербург, 1991), Лондонского Института социальных изобретений (1995), Международного конкурса эссеистики (Берлин-Веймар, 1999), Liberty (Нью-Йорк, 2000), журналов “Звезда” (2000) и “Знание — сила” (2011). Автор более 800 статей и 33 книг, переведенных на 23 иностранных языка. В числе его книг “Знак пробела. О будущем гуманитарных наук”, “The Transformative Humanities: A Manifesto”, “От знания — к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир”, “Проективный словарь гуманитарных наук”, “Философия возможного”, “Проективный философский словарь: Новые термины и понятия”, “Философия тела”, “Любовь”, “Религия после атеизма. Новые возможности теологии”, “Новое сектантство. Типы религиозно-философских умонастроений в России 1970 - 1980-х гг.”, “Cries in the New Wilderness: from the Files of the Moscow Institute of Atheism”, “Russian Spirituality and the Secularization of Culture,” “Transcultural Experiments: Russian and American Models of Creative Communication”, “After the Future: The Paradoxes of Postmodernism and Contemporary Russian Culture”, “Парадоксы новизны. О литературном развитии XIX—XX веков”, “Природа, мир, тайник вселенной...”. Система пейзажных образов в русской поэзии”, “Стихи и стихии. Природа в русской поэзии 18—20 веков”, и другие.

Слово “интеллигенция” в переводе с латинского (*intelligentia*) означает “умозрение”, “сила разумения” “способность к обобщению и систематизации понятий”. В таком отвлеченном смысле термин широко использовался западной философией Нового времени. *Интеллигентность* следует отличать от *ментальности* (от латинского *mens* “ум”) как определенного склада ума, сложившегося под воздействием социальных, этнических, политических, профессиональных, конфессиональных факторов. “Консервативная ментальность”, “французская ментальность”, “исламская ментальность”, “инженерная ментальность” – это привычка мыслить в соответствии со своей идентичностью, которая складывается за пределами самого мышления. Интеллигентность как *intelligentia* – это, напротив, склонность ума самостоятельно рассматривать и сочетать самые разные идеи, выходя за пределы любого устоявшегося образа мыслей. Интеллигентность — это непредвзятость, полная открытость мышления, своего рода универсальная симпатия и эмпатия в мыслительной сфере, которая позволяет сближаться с людьми самых разных ментальностей и объединять их совместным поиском истины.

В тех культурах, где сила разума, *intelligentia*, сталкивалась с традиционной ментальностью и встречала сопротивление в обществе, — там возникла историческая потребность в особом мыслящем слое как инструменте активной социализации разума. Соответственно слово “интеллигенция” приобрело новый смысл, указывая на особую группу людей, объединенных задачами интеллектуализации власти и общества. Польский мыслитель мессианского направления Карол Либелт впервые употребил слово *inteligencja* в этом смысле в работе “О любви к отечеству” в 1844 г. В русский язык это слово, как долгое время считалось, ввел писатель П. Боборыкин в середине 1860-х гг. Однако недавно выяснилось, что еще раньше оно встречается у В. А. Жуковского в его дневниковой записи от 2 февраля 1836 г: “Через три часа после этого общего бедствия... осветился великолепный Энгельгардтов дом, и к нему потянулись кареты, все наполненные лучшим петербургским дворянством, тем, которые у нас представляют всю русскую европейскую интеллигенцию”. [1]

Есть обычай отмечать юбилеи великих произведений: “столетие романа Л. Толстого”, “сто пятьдесят лет поэмы Пушкина”. Но есть слова, которые вносят не меньший вклад в духовное развитие народа и человечества, чем литературные шедевры. Чем была бы русская интеллигенция без этого самообозначения? Слово формирует свой предмет, тем более такой предмет, который сам формирует себя актом самосознания. Интеллигенция возникает на скрещении двух важнейших координат развития цивилизации: интеллекта и общества. Призвание интеллигенции – интеллектуализация общества и вместе с тем социализация интеллекта. Трудно достичь гармонии этих двух процессов, и само наличие интеллигенции, как особой социальной прослойки между интеллектом и обществом, свидетельствует о проблемности и трагичности их объединения. Интеллигенция, как она сформировалась в России, – это «умная ненужность» (А. Герцен), интеллект, не усваиваемый, отторгаемый обществом. И часто склонный жертвовать собой ради своей социализации на упрощенном, обедненном уровне. Такова печальная, пораженческая судьба народнической интеллигенции, во многом отрекающейся от ценностей интеллектуальной жизни ради объединения с народом (“сапоги выше Шекспира”).

Другая сторона той же проблемы – взаимоотношение интеллигенции с властью, где также наблюдается двойственный процесс: интеллектуализация власти (эта задача, как правило, оказывалась интеллигенции не под силу) – и огосударствление интеллекта, подчинение его идеологическим и бюрократическим функциям. Таким образом, интеллигенция в России, с одной стороны, клонила голову «к ногам народного кумира», с другой – припадала к стопам государства, и принадлежность к ней становилась знаком отверженности, социальной неприкаянности.

Означает ли это, что интеллигенция сама по себе есть пережиток неудачной модели взаимодействия интеллекта и общества и требует упразднения? Не назрел ли переход к другой модели, где социализация интеллекта должна быть подчинена высшей задаче интеллектуализации общества? Это спорный вопрос, и в разные периоды постсоветской истории России я по-разному на него отвечал. Можно выделить три ключевых момента в истории понятия “интеллигенция”, которые я проиллюстрирую своими краткими текстами этих трех десятилетий.

1990-е гг.: казалось, что интеллигенция себя изжила и вскоре покинет историческую сцену страны, а на смену ей придут интеллектуалы – профессионалы мышления.

2000-е гг.: оказалось, что в условиях нарастающего давления со стороны государства преждевременно хоронить интеллигенцию, ее опыт еще пригодится гражданскому обществу.

2010-е гг.: становится все яснее, что интеллигенция нужна не только России, но и Америке и может внести решающий вклад в объединение человечества.

В этом хронологическом и логическом порядке я и выстрою подборку своих заметок: от 1990-х к 2010-м, от похорон интеллигенции к надежде на ее возрождение в новом качестве и масштабе.

1993. Интеллигенция и народ: взаимопорождение двух химер

В этом Переход России к частной собственности понимается обычно как приватизация имущества. Но у этого процесса есть и другая важная сторона: приватизация знания. И если результатом первой приватизации может стать исчезновение такой исторической категории, как “народ”, то результатом второй – исчезновение “интеллигенции”.

Споры о народе и интеллигенции, которые ведутся уже второй век, особенно обострились с конца 1960-х – начала 1970-х годов. Интеллигенция, устами Григория Померанца, провозглашала себя “людьми воздуха”, “людьми ниоткуда” и отрицала свою пуповинную связь с народным телом, больше того, обвиняла народ в сопротивлении всем прогрессивным образовательным реформам, начиная от Петра, в результате чего и возникла эта темная, косная масса, над которой исторические перемены властны только в форме насилия. С другой стороны, защитники народа, прежде всего, Александр

Солженицын, обвиняли интеллигенцию в том, что она отреклась от служения народу и предала его на большевистское разорение, больше того, сама вынырнула чудовищную идею тоталитарного государства и провела ее в жизнь. По версии Померанца, гонимая, инакомыслящая интеллигенция – жертва народа, которому не нужны дары свободного творчества, который Пастернака не читает и заведомо осуждает, зато единодушно рукоплещет постановлениям партии и правительства. По версии Солженицына, ограбленный и физически истребленный народ – жертва интеллигенции, которая навязала ему свою паразитическую идеологию и преспокойно живет за счет вечного труженика, духовно изнемогающего под идейным присмотром правящей атеистической “образованщины”.

Эти споры можно проследить по статьям Григория Померанца “Человек ниоткуда” (1969) и Александра Солженицына “Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни” (1973). За этими манифестами последовала долгая полемика “плюралистов” и “консерваторов”, переходящая в 1980-е годы и подхваченная советской печатью эпохи гласности. В начале 1990-х эта дискуссия ожесточилась до крайности, и вопрос заострился так: кто кого скорее похоронит? Интеллигенция рыночными способами распылит народ на частные промыслы, фермы и фирмы? Или народ, возжаждав сильной власти, сотрет интеллигенцию с лица своей многострадальной земли?

Но по сути это спор праздный, поскольку интеллигенция и народ не могут существовать друг без друга, они соотносительны в одной системе понятий. Именно критерий частной собственности позволяет установить, что народ и интеллигенция в России не так уж чужды друг другу. И если суждено завершиться их историческому существованию, то это произойдет одновременно.

Известно, что русский народ дольше, чем другие европейские, оказался привержен общинным формам собственности и заслужил за это похвалу российской интеллигенции, как славянофильской, так и западнической (от Хомякова до Герцена, от Льва Толстого до эсеров и большевиков). То, что древняя община *еще* сохранилась, казалось добрым предвестием того, что она *уже* перерастает в социалистическую новь. Вот это претворение “еще” в “уже”, крепостной нужды в социалистическую добродетель, и явилось умственным делом интеллигенции.

Казалось бы, интеллигенция по своей природе склонна к индивидуализму, к отрыву от народных масс. Но это сообщество людей, которая, в отличие от западных интеллектуалов и профессионалов, мыслит предельно общими категориями. Страсть интеллигенции – это подведение частных явлений жизни под общие идеи, которые и оказываются регулятором общественного бытия. Любое узко профессиональное понятие моментально обобществляется, попадая в интеллигентную среду, и становится неким общим принципом мышления. Так, российская интеллигенция 19-го века интеллектуально обобществила теорию видов Дарвина и политэкономии Маркса и превратила их в “руководство к действию”. Естественно, что результатом такого обобщения стала “правда для всех”, “искусство для всех”, “имущество для всех” – идеология обобществления, которая легко нашла себе материальную опору в общинном укладе народной жизни.

Оказывается, народ, и интеллигенция, при всех своих расхождениях, составляют одно целое: (а) живущее общинно и (б) мыслящее обобщенно. [2] А всякая приватность, сокрытость и обособленность вызывает неприятие. И если крестьянин *завидует* своему предприимчивому соседу, выбившемуся от всеобщей скудости в отдельный имущественный разряд, то интеллигент *презирает* честного профессионала, с головой ушедшего в пробирки и микроскопы и не желающего решать мировые проблемы. Борьба с “мещанством”, т.е. с узким профессиональным кругозором и с обособленным хозяйственным укладом, знающим *свое место*, малое, да свое, – вот общее любимое дело народа и интеллигенции. На их пословичном языке обобщений эта нелюбовь к общности осудительно называется “моя хата с краю”, “своя рубашка ближе к телу”.

Собственно, только так и может строиться идеократическое государство: оно предполагает одновременно общежительность масс и обобщенность идей, ведущих за собой эти массы. Ведь и во главе идеального государства у Платона стояли не профессионалы, не ремесленники, а “мудрецы”, всеведущие идеологи и методологи, державшие в своих руках ключ сразу ко всем наукам и ремеслам. Их право и священный долг было – указывать художникам, как рисовать картины, генералам – как вести войну, а сапожникам – как тачать сапоги. И вот это обобществленное знание на самом верху государственной пирамиды точно соответствует обобществлению имущества в ее народном основании.

Но если понятие “народ” – это проекция обобщенного сознания интеллигенции, то и сама интеллигенция есть инобытие народа. Ведь что такое интеллигент? – это вообще грамотный, культурный человек, независимо от его профессии. Такое абстрактное представление о грамотности и культурности могло возникнуть только в неграмотной и некультурной среде. Для мало-мальски образованного ремесленника или торговца уже нет “вообще культурного” человека, “интеллигента” – есть человек другой культуры, другой профессии: инженер или журналист, ученый или политик. Культурность как таковая – инобытие некультурности. И в этом смысле “интеллигенция” есть *абстракция знания*, порождаемая *незнанием*, так же как “народ” есть *абстракция бытия*, порождаемая *небытием*. Интеллигенция, как полюс чистого и всеобщего сознания, ощущает себя лишней в бытии и наделяет полнотой бытия свою противоположность – народ. Две абстракции взаимно проецируют друг на друга свое “не”. И образуют законченную и уравновешенную систему. Видимый трагизм этой системы – невозможность слияния интеллигенции и народа; ее глубоко запрятанный трагизм – химеричность самих этих образований, не развивающихся и расчленяющихся из себя, но производимых вчуже, отвлеченно, как “не” друг для друга. Пока существует интеллигенция, она проецирует вне себя абстрактное бытие народа и сама продуцируется им как абстрактная сфера знания. Трагедия России – в том, что она слишком долго оставалась страной абстракций. Между тем в истории, а не только в познании, действует сформулированный еще Гегелем закон восхождения от абстрактного к конкретному. И когда Россия станет, в гегелевском смысле, “конкретной” страной, страной частных имуществ и частных знаний, обе ее абстракции разрушатся сами собой. На их месте возникнет нечто более простое и одновременно сложное: человек, знающий свое скромное место в бытии, не позволяющий себе греха обобщения-обобществления, конкретно мыслящий и “приватно” живущий.

2003. От интеллигенции – к интеллектуалитету.

Если интеллигенция, как химера общественного сознания, себя изжила, то не пришла ли пора перейти к другой, западной модели, где интеллектуализация общества будет доминировать над социализацией интеллекта? Развитие человечества совокупными силами биологического и искусственного разума откроет новые горизонты цивилизации а – и тогда интеллигент, как слабая, жертвенная фигура интеллекта, подавляемого обществом, должен уступить место интеллектуалу?

Интеллектуал – это, как и интеллигент, не профессия, а призвание, образ мысли и даже образ жизни. Но интеллектуальность предполагает большую степень интеллектуальной ответственности и сосредоточенности. Интеллигент хочет обобществить, онародить свой ум, тогда интеллектуал стремится интеллектуализировать общество, поднять его, а не опуститься до него. Его задача – не хождение в народ, а вовлечение общества в интеллектуальный процесс, который по сути и есть исторический (в этом смысле прав был Гегель, рассматривая историю как феноменологию абсолютного разума в его восхождении к самопознанию). Интеллект, а не физический труд – главная производительная сила во все времена, но сейчас, в эпоху постиндустриального, информационного общества, это очевидно всем, и значит, интеллектуализация общества будет означать и интеллектуализацию политики, т.е. искусства управления (или самоуправления) обществом.

Можно выделить три задачи интеллектуала – три признака, по которым он отличается от интеллигента (в привычном смысле), профессионала и идеолога:

1. Добросовестное выполнение своего профессионального долга. Интеллектуал – это не шалтай-болтай, который “учился понемногу чему-нибудь и как-нибудь” и поэтому присваивает себе право судить обо всем на свете. “Я не интеллигент – у меня профессия есть,” – эта фраза приписывается Льву Гумилеву. Интеллектуал укоренен в определенной профессии и опирается на четкие навыки и правила мышления. Первое дело интеллектуала – создавать мыслительные и духовные ценности, расширять ноосферу и семиосферу человечества, а не обслуживать материальные нужды масс или пропагандистские запросы верхов. Отточенный профессионализм и творческий потенциал отличает интеллектуала от просто интеллигента. Интеллектуал защищает достоинство интеллекта против проповеди опрощения, тьмы, невежества, сермяжной правды, домотканой мудрости.

Если сравнить опросы, проводимые журналом/порталом COLTA и повторяющие методологию опросов, проведенных раньше на Западе журналами Prospect Magazine (Англия) и Foreign Policy (США), поучительно сравнить результаты (http://en.wikipedia.org/wiki/Top_100_Public_Intellectuals_Poll и <http://www.colta.ru/articles/specials/1274#rules>). В западных списках гораздо выше удельный вес профессионалов: экономистов, философов, политиков, аналитиков, технократов. Интеллекту там открыты более прямые пути воздействия на общество. В российском списке резко преобладают журналисты и блогеры (включая телеведущих), у которых интеллектуальная работа не первична и не самодостаточна, но опосредована

работой на публику, средствами массовой коммуникации. Интеллектуалы-специалисты в России гораздо менее влиятельны, а влиятельные персоны гораздо менее заняты собственно интеллектуальной работой. Вот первая десятка “глобальных мыслителей” 2005 г.: лингвист [Noam Chomsky](#), семиотик и писатель [Umberto Eco](#), биолог [Richard Dawkins](#), писатель и политик [Václav Havel](#), публицист [Christopher Hitchens](#), экономист [Paul Krugman](#), философ [Jürgen Habermas](#), экономист [Amartya Sen](#), биолог и эколог [Jared Diamond](#), писатель [Salman Rushdie](#).

В списке Open Space (Colta 2009 г. из 101 лидера – более 40 журналистов и публицистов. В первую десятку вошли: В. Пелевин, Л. Парфенов, М. Ходорковский, птрх. Кирилл, С. Капица, А. Гордон, Б. Стругацкий, Э. Лимонов, Д. Быков (<http://os.colta.ru/votes/details/13323/>). Больше всего – журналистов, особенно телеведущих, и писателей, чья специальность – медийная работа, общение с аудиторией. Практически нет ученых.

2. Интеллектуал – больше, чем просто хороший профессионал. Хороший физик, филолог, врач или юрист – это еще не обязательно интеллектуал. Интеллектуализм – это определенная миссия, это система творческих, общественных, нравственных ценностей. Укоренившись в своем деле, интеллектуал выходит к делу всего общества и всего человечества, осознает себя представителем всего рода мыслящих существ, ибо человек – это прежде всего *homo sapiens*, человек разумный, мыслящий и говорящий. Именно интеллект, т.е. способность к обобщению, делает интеллектуала космополитом в лучшем смысле этого слова, гражданином мира, способным перешагивать границы своей этнической и культурной идентичности, видеть слепые пятна своего воспитания. “Ничто так не согласуется с разумом, как его недоверие к себе,” – писал Паскаль. Разум все время движется за пределы разума, расширяет его границы.

3. Критическая установка разума по отношению к любым институтам и способность альтернативного мышления, полагания иных институций, концептов, правил, знаков по отношению к существующим, общепринятым знаковым, концептуальным, социальным системам. Интеллект – это способ создания альтернатив, в какой бы интеллектуальной или профессиональной области они ни проявлялись: альтернативной педагогики, эстетики, поэзии, философии. Это способ инакомыслия, инакодействия, всех видов инаковости, поскольку они образуют трещину в монолитах единомыслия. Само понятие “интеллекта” этимологически связано с “интер”, “между”, и буквально означает “читать между, выбирать между” (лат. *lego* - собираю, выбираю, читаю). Эти “межи”, пробелы между публичными сферами, позициями и профессиями, и заполняются альтернативным мышлением, “межеумочным” подходом. По-настоящему умен тот, кто одновременно и знает правила, и умеет их нарушать, т.е. совершать продуктивные ошибки, полон энергии творческого блуждания (и даже заблуждения).

По этому признаку интеллектуал отличается от идеолога, т.е., выразителя системы идей, служащих утверждению определенной партии, класса, этноса. Идеолог «влипает» в определенный класс, партию, конфессию, социальную группу и становится их голосом, требованием, тогда как интеллект – это способность к трансценденции своего класса, партии, этноса, конфессии и любой идентичности. Левые, «ангажированные»

интеллектуалы немало способствовали подтасовке понятий, навязывая узкие политические критерии интеллектуальной деятельности.

По мысли Мишеля Фуко, «интеллектуал определяется... во-первых, своей классовой позицией (как мелкий буржуа на службе капитализма или как «органический» интеллектуал от пролетариата); во-вторых, условиями жизни и работы (область исследования, место в лаборатории, политические и экономические требования, которым он подчиняется или против которых бунтует в университете, в больнице и т.д.); наконец, политикой истины в наших обществах»¹. Получается, что достоинство интеллектуала определяется, во-первых, во-вторых и в-третьих, его классовой позицией и политической ангажированностью. Фуко по сути отождествляет интеллектуала с идеологом, который обслуживает интересы определенной партии или класса.

То, что отличает интеллектуала от интеллигента, профессионала и идеолога – это критика любой ангажированности, вектор расширения, а не сужения интеллекта, который не преклоняется ни перед народом или какой-либо социальной группой, ни перед каким идолом власти (хотя бы и в форме сокрушения старых идолов во имя установления новых), ни перед идолом самого интеллекта. Главное в интеллекте – это способность сомневаться в себе, двигаться за им же установленные пределы, в т. ч. и за пределы интеллектуализма как такового, подвергая себе критике и тем самым, от противного, выступая как дух универсальности. Интеллектуализм – это расширение области мыслимого, а значит и возможного, говоримого, осуществляемого, это предельная щедрость и широта умственной работы, которая имеет своим корнем профессиональные навыки, а своим горизонтом – все человечество. Вспомним хотя бы российских интеллектуалов: Андрея Сахарова, Юрия Лотмана и Сергея Аверинцева. Их интеллектуальная жизнь – движение за границы специализаций: физики, русской литературы, культуры античности и Византии... Сахаров движется к идее объединения человечества, Лотман – к семиотике и семиосфере, Аверинцев – к Софии, экуменическому христианству. Это трудное восхождение – со множеством промежуточных ступеней, которые все надо проходить постепенно.

Интеллектуализм проникнут духом критической универсальности. Именно самое универсальное – интеллект – позволяет быть критичным по отношению к любому частному порядку и интересу, с которым человек по факту рождения или воспитания вынужден первоначально себя отождествлять. Интеллектуализм воплощает собой не гордость, а смирение разума, его понимание множественности разумов и культур.

2008. Пора ли выбросить понятие “интеллигенции” из языка?

¹ *Foucault M. Truth and Power (interviewed by Alessandro Fontana and Pasquale Pasquino) // From Modernism to Postmodernism. An Anthology // Ed. by L. Cahoone. Cambridge, Mass.: Blackwell Publishers, 1996. P. 380.*

В постсоветский период стало модно противопоставлять “интеллектуалов”, здоровое племя работников умственного труда, – и слабовольную, закомплексованную “интеллигенцию”. В России она якобы уже “повымирала” – туда ей и дорога. Не пришла ли пора выкинуть и слово “интеллигенция” из наших словарей? Вопрос этот вынесен на обсуждение в передаче “Говорить по-русски”. Вот что пишет ведущая – филолог Марина Королева:

“Интеллигенция”. Устарелое слово? 28.03.2008

“Дискуссии последних недель о роли интеллигенции в России... навели меня вот на какую мысль. Имеет ли еще право на существование в русском языке и в российской реальности само слово “интеллигенция”? По Толково-словообразовательному словарю, это “социальная группа лиц, профессионально занимающихся умственным – преимущественно сложным и творческим – трудом, развитием и распространением образования и культуры и отличающихся высотой духовно- нравственных устремлений, обостренным чувством долга и чести”. Толкования, понятно, в разных словарях разные, но именно это показалось мне исчерпывающим. Ведь так мы с вами понимаем это слово, “интеллигенция”, не правда ли? Вот только жизнь вокруг очень изменилась. И есть ли она сейчас, эта самая “социальная группа лиц”, которая... и т.д.? Мне, например, кажется, что ее уже нет. И слово “интеллигенция”, по сути, не к кому применять. То есть, “интеллигенты” (по отдельности) встречаются, а вот “интеллигенция”... Так, может, пора ставить в словарях рядом с этим словом помету “устаревающее”? Да и отказаться от этого слова как такового?” “Говорим по-русски”, 30 марта 2008, <http://www.echo.msk.ru/blog/markorol/504165-echo/comments.html>.

К середине-концу 2000-х гг. становилось все яснее, что власть выбирает интеллигенцию мишенью “патриотической” пропаганды и встречает в этом единодушную поддержку народа. Меня удивило, что большинство участников форума “Эха Москвы” ничуть не возражает против сдачи “интеллигенции” в архив и видят в этом метку прогресса. Пусть к историзмам “кучер”, “урядник”, “городовой”, “нэпман” и т.п. добавится еще и “интеллигент”.

Такая антиинтеллигентность, исходящая, как правило, от людей интеллектуальных, меня возмущает. Признаюсь, что я люблю и слово “интеллигенция”, и то, что за ним стоит. И не вижу никаких причин, почему интеллектуалу, т.е. профессионалу умственного труда, не быть еще и интеллигентом, т.е. мыслить по совести, соединять достоинства разума и сердца, высокоумие и добропорядочность.

Кое-где в России бытует дикое представление, будто на Западе есть только интеллектуалы, профессионалы мышления, без жалости и совести, что интеллектуальные способности никак не связаны с этическими, – а именно эта связь и определяет смысл понятия “интеллигенция”. Почему мы решили, что в наше время только интеллектуальность в чести, а интеллигентность, т.е. этическая вовлеченность и социальная ответственность интеллекта – это пережиток то ли феодализма, то ли коммунизма, но с капитализмом никак не сочетается? Все ровным счетом наоборот. Никогда на Западе не говорили так много и увлеченно, как сейчас, о публичной роли

интеллектуала (public intellectual), о его нравственной чуткости и сочувствии “малым сим”, о его способности не только к мышлению, но и к действию, о его участии в делах больших и малых сообществ, обо всем том, что традиционно охватывается понятием “интеллигенция”. Интеллигенция – это и социально, и интеллектуально очень активная часть западного общества, которая и демографически составляет значительную часть населения, например, Соединенных Штатов.

Кстати, в английском языке нет никакого противопоставления “интеллектуалов” и “интеллигенции”: последнее слово употребляется как собирательное обозначение образованного и просвещенного слоя, значение которого в современном, информационном обществе стремительно возрастает. “Intelligentsia – intellectuals who form an artistic, social, or political vanguard or elite” (Merriam–Webster Dictionary).

Из всех слов, которые Россия внесла в копилку человечества, “интеллигенция” – едва ли не самое светлое. Среди остальных, вошедших в другие языки с пометой “из русского”: “водка, КГБ, Гулаг, погром, большевик, колхоз, аппаратчик”. И вот теперь мы хотим стереть чуть ли не единственный светлый след России в чужих словарях, наш патент на благородство. Даже если бы этого слова не было, его стоило бы выдумать. А не отрекаться от него, потому что именно слова еще поддерживают теплоту жизни в тех слабеющих понятиях и явлениях, которые они обозначают. Слово – часть генофонда нации, семя, из которого растет культура.

Призывы покончить с интеллигенцией и интеллигентностью, “отряхнуть ее прах с наших ног” напоминают совет Ницше: “подтолкни падающего”. С той разницей, что в данном случае падающий подталкивает самого себя. Правда, у русской интеллигенция всегда был один недостаток – а именно недостаток уважения к самой себе, склонность к саморастоптанию: то во имя растворения в мифическом народе, то во имя равнения на не менее мифический Запад. Так что стремление вытравить “интеллигенцию” из языка и общества можно отнести к худшим, мазохистским чертам самой интеллигенция, которая к ним, однако, не сводится. Тот, кто стыдится этого слова, в самом деле его недостойн.

2016. Есть ли интеллигенция в Америке?

Я убеждаюсь в этом постоянно, поскольку работаю в университете, а там повсюду – интеллигенция. И она же – на выставках, в театрах, всюду, где происходит что-то новое, значимое для культуры. Она же – на профессиональных конференциях и на гражданских форумах. Формы ее присутствия вездесущи, хотя и не всегда наглядны. Ее усилиями и энтузиазмом создается масса общественных, культурных, образовательных, филантропических организаций, действующих на добровольных началах. В американском Norton Dictionary of Modern Thought интеллектуал определяется как существительное единственного числа, множественным числом от которого является “интеллигенция”.

Интеллигенты – это люди умственного труда, граждански активные, осознающие свою моральную ответственность перед обществом. Если образцы российской интеллигенции конца 20 в. – вышеупомянутые А. Сахаров, Ю. Лотман, С. Аверинцев, а

также Д. Лихачев, В. В. Иванов, А. Вознесенский, то типологически им близки представители интеллигенции американской — Н. Чомски, А. Миллер, Н. Мейлер, С. Зонтаг, Пол Кругман, Камилла Палья, Билл Гейтс, т.е. граждански активные ученые, исследователи, открыватели, строители, предприниматели. Таких людей в США гораздо больше, чем в любой стране мира. По оценке социолога Ричарда Флорида, автора термина “creative class” (по-русски пригосилось бы хлебниковское слово “творяне”), к нему принадлежит порядка 35-40% американского общества, 40-50 миллионов. Они-то и составили костяк клинтоновского электората 2016 г. И, по сути, выиграли национальные выборы, хотя и проиграли по числу выборщиков от штатов.

Многое роднит американскую и русскую интеллигенцию, и прежде всего – связь интеллектуального труда с этической и социальной ответственностью. Сам по себе интеллектуал – еще не интеллигент, если его мышление замкнуто профессиональными рамками, если он прекрасный программист, физик или хирург, но на все остальное ему наплевать. Интеллигент – это интеллектуал, выходящий за рамки своей профессии, “public intellectual”, как говорят в США. Интеллигентность – это нравственный и гражданский запрос на свободу мысли. Это не только способность к созданию культурных ценностей, но и стремление ими поделиться, утвердить их в сознании общества. Русская интеллигенция веками плющилась между молотом власти и наковальной народа – и поэтому часто предавала свое назначение, отрекалась от свободной мысли в пользу “сермяжной правды”, “труда со всеми сообща и заодно с правопорядком”. Никто не был так готов поносить интеллигенцию, как сама интеллигенция.

А сзади, в зареве легенд,
 Дурак, герой, интеллигент
 В огне декретов и реклам
 Горел во славу темной силы,
 Что потихоньку по углам
 Его с усмешкой поносила
 За подвиг, если не за то,
 Что дважды два не сразу сто.
 А сзади, в зареве легенд,
 Идеалист-интеллигент
 ПечатаЛ и писал плакаты
 Про радость своего заката.

Пастернак, “Высокая болезнь”.

Такая склонность русской интеллигенции к самобичеванию и готовность поступиться интеллектуальными ценностями ради служения “народу” и “народной власти” критически отмечалась еще авторами “Вех” (1909). И вызывала у некоторых просвещенных людей искушение отречься от скомпрометированного понятия “интеллигент” и заменить его “интеллектуалом”. Да, интеллигенция не может обойтись без интеллектуальной свободы и честности. Но не может ею и ограничиться, поскольку интеллигентность – еще и готовность страдать за истину, претерпеть гонения, соотнести идею с личным опытом и судьбой. Именно после президентских выборов 2016 г., когда

американскую интеллектуальную элиту постигло страшное разочарование, когда ей приходится вкушать горчайшие плоды демократии (власти демоса), она в большей степени, чем когда-либо раньше, может стать интеллигенцией в российском смысле этого слова.

Вот как завершает свою статью об итогах президентских выборов Дэвид Ремник, редактор “Нью-Йоркера”, долгие годы проработавший московским корреспондентом “Вашингтон пост”: “Вчера поздно вечером, когда поступали результаты из последних штатов, мне позвонил друг – глубоко опечаленный и терзаемый страхом конфликта, войны. Почему бы не уехать из страны? Но отчаяние – не ответ, не решение проблемы. Сражаться с авторитаризмом, разоблачать ложь, бороться достойно и ожесточенно во имя американских идеалов – все, что остается. То есть, единственное, что нужно делать”, <http://www.newyorker.com/news-desk/an-american-tragedy-2>.

Эта меланхолия, сомнение, саморефлексия в сочетании с решимостью действовать – и есть родовое свойство интеллигенции в лучшем смысле этого слова. Скорее всего, американская интеллигенция, хотя бы в силу своей многочисленности, окажется исторически сильнее и удачливее, чем российская и советская. Все-таки Трамп и трампизм – это не самодержавие и не диктатура пролетариата. Но сейчас американские интеллектуалы, ощутив небывалую раньше враждебность новой власти и избравшего ее демоса, вынуждены все больше самоопределяться граждански, этически – т.е. становиться интеллигенцией.

Можно надеяться, что американская интеллигенция именно в переломный, трагический момент своей истории не отречется от себя, не прославит лжи и хищи, не обольстится нигилизмом и народопоклонством, не поставит распев дикаря выше Шекспира. Слабость российской интеллигенции выразилась в том, что под гнетом государства ее социальная функция (просвещать, образумливать, одухотворять) выродилась в идеологическую – и вытеснила интеллектуальную честность. Первый долг мыслящего человека – превращать мысль в способ действия, а не обслуживать низменные инстинкты масс или пропагандистские запросы верхов. Это и есть задача интеллигенции как *intelligentia* – мыслительной силы, персонифицированной в граждански активном социально-профессиональном слое. Поэтому, на мой, взгляд, лучше не отказываться от понятия “интеллигенция”, а быть достойным того смысла, что изначально в нем заключен.

Одно из последствий выборов 2016 г. – выход американской интеллигенции на новые уровни саморефлексии и сроднение ее с российской интеллигенцией. Раньше с большим трудом можно было объяснить американцам характерный для России раскол между интеллигенцией и народом, между интеллигенцией и властью: Америку это как-то благополучно миновало. Что такое лишние люди и почему они не могут найти себя среди собственного народа? Отчего их ум, глубина, свободолюбие остаются чуждыми “простым людям”? Исторический опыт Америки не включал этого трагического самосознания “умных ненужностей”. Разве что южане-аристократы, проигравшие в гражданской войне, могли пестовать в себе эту меланхолическую и глубоко интровертную ноту, из которой и возникла великая литература американского Юга. Но это случилось полтора столетия назад и психологическая травма зажила (хотя и не окончательно)...

И вот – новая вежа... Российский мучительный опыт раскола между интеллигенцией и народом теперь в непредсказуемых формах повторяется в Америке. Можно ожидать, что нация станет гораздо интровертнее – не в смысле политического изоляционизма (хотя и этого можно опасаться), а в смысле психологическом: обращенности вглубь себя. “Душа не выстрадает счастья, но может выстрадать себя”.

Вот так и Америка будет теперь выстрадывать свою собственную душу. И многие европейские и особенно российские проклятые вопросы, которые раньше были чужды Америке, станут для нее своими: тургеневские, дostoевские, мережковские, веховские... Вопросы Серебряного века и диссидентов 1960-1980- х гг. Это, возможно, один из немногих положительных результатов американских выборов: рождение трагического самосознания в самой счастливой и благополучной стране, формирование самоуглубленной нации, которая может принести новые плоды миру.

2017. Интеллигенция, глобализм и вочеловечение (humanification)

Сам исторический процесс ведет нас от всяких социократий (демократии, охлократии, аристократии...) к инфократии и ноократии, т.е. власти интеллекта. Пользуясь гегелевским языком, интеллигенция, пройдя стадию “несчастливого сознания” в своих социальных воплощениях, подавляемых силами государства и народа, в 21 в. восстанавливает свое первичное значение “мыслительной способности”, — но уже в синтезе с новой, расширенной социальностью всего человечества как носителя совокупного разума.

Интеллигенция (*intelligentia*) в этом двойном смысле, сочетающем латинскую и русскую, интеллектуальную и социальную семантику, – это способность использовать интеллект в его самых универсальных проявлениях, связующих нас с другими людьми и со всем человечеством. Каждому, кто рождается человеком, еще надлежит *вочеловечиться* на протяжении своей жизни, т.е. стать человеком в акте личностного самоопределения. Вочеловечение – принадлежность человечеству не только по рождению, но и по свободному выбору: усвоение общечеловеческих ценностей как приоритетных по отношению ко всем другим (национальным, классовым, политическим, профессиональным, конфессиональным и т.д.). Это процесс развития, который ведет индивида от идентификации с определенными общественными группами к интеграции со всем человечеством, и есть устремление новой интеллигенции как глобального рациона-социума. Это вхождение в поле более широких, всечеловеческих смыслов и целей, воссоединение индивидуального с универсальным. «Вочеловечение» в данном значении не религиозный термин («вочеловечение Бога в Иисусе Христе»), а чисто секулярный: осознанное, “интеллигентное” обретение своей человечности. Человек призван прежде всего *человечествовать*, т.е. стать тем, кто он есть.

Вочеловечение – это процесс интеллектуальный и экзистенциальный, в отличие от *глобализации*, которая происходит на уровне экономических, политических, научно-технических процессов и вовлекает широкие массы, подчиняя их объективным

тенденциям планетарного развития. Вочеловечение может быть этико-психологической опорой глобализации – или вступать с ней в конфликт, если последняя навязывает человеку массовые формы универсальности, ограничивает свободу личного выбора и представляет собой планетарную экспансию отдельных групп, корпораций, государств, политических кланов. Глобализация может быть материально-исторической формой вочеловечения – или способом присвоения человечества “группами по интересам”.

Джованни Пико делла Мирандола в своей «Речи о достоинстве человека» (1486) указывает на множественность возможных путей самоопределения человека как «недоопределенного» и потому свободного существа:

«...Принял Бог человека как творение неопределенного образа и, поставив его в центре мира, сказал: “Не даем мы тебе, о Адам, ни определенного места, ни собственного образа, ни особой обязанности, чтобы и место, и лицо и обязанность ты имел по собственному желанию, согласно твоей воле и твоему решению. Образ прочих творений определен в пределах установленных нами законов. Ты же, не стесненный никакими пределами, определишь свой образ по своему решению, во власть которого я тебя предоставляю.... Ты можешь переродиться в низшие, неразумные существа, но можешь переродиться по велению своей души и в высшие божественные”»².

Сама изначальная «неопределенность» человека становится предпосылкой его выбора себя универсальным существом, способным к самоопределению. Если же человек выбирает себя не человеком прежде всего, а только представителем определенной нации, партии, конфессии, профессии, то он лишает себя и дальнейшей свободы самоопределения. Интеллигентность предоставляет каждому индивиду широчайший спектр человеческих ценностей и символов, которые служат его универсализации.

Интеллигентность — это способность расширить направление своей индивидуальной воли до объема общечеловеческих понятий и целей. В основе вочеловечения лежит рефлексивно-волевой акт: «Я сознаю себя человеком и ставлю свою человечность выше всех других своих групповых принадлежностей. Я преодолеваю их в той мере, в какой они отделяют меня от других людей». Эта гуманитарная рефлексия есть логическое и этическое расширение постулата Декарта: «я мыслю, следовательно существую». Факт существования выводится не из показаний внешних органов чувств (которые могут обманывать), а из акта собственной мысли. *Я мыслю себя человеком, следовательно, существую в качестве человека.* Без рефлексивно-волевого акта вочеловечение невозможно. Оно не просто возвращает человека к его природе, но и поднимает как над природными спецификациями (раса, этнос, пол), так и над последующими социальными (класс, религия, идеология, культура, воспитание и т.д.).

Можно выделить три стадии становления всечеловеческого: биологическую, социальную и интеллигентную. На первой стадии человек принадлежит человеческому роду, как животное – своему виду. На второй развиваются многообразные формы социализации, которые разделяют людей на этнические, культурные, профессиональные,

² http://psylib.org.ua/books/_pikodel.htm.

профессиональные, классовые, политические группы. На этой стадии ряды человечества как целого пустеют, поскольку укрепляются более частные, конкретные формы социальности. Главное, всечеловеческое сообщество оказывается вне поля сознания, неким нулевым классом: к нему относятся все, а значит – никто. На третьей стадии, которой достигают немногие, рождается сознание принадлежности всему человечеству, как акт экзистенциального выбора. Возникает потребность «вступить» в человечество, как вступают в другие организации, т.е. совершить акт добровольного и целенаправленного присоединения к этой общности. Всечеловечество возникает по мере того, как из пустого класса оно обращается в сверхнаполненный класс, т.е. из простого природного факта становится делом саморефлексии и самоопределения.

Нравственный смысл вочеловечения совпадает с «категорическим императивом» И. Канта: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству». Это означает, что все частичные, групповые, внутривидовые определения индивида как природно-социального существа подчиняются его всечеловеческому самосознанию.

Для вочеловечения необходимо второе, духовное рождение или своего рода «крещение» в человечество, т.е. сознательное принятие на себя миссии быть человеком — как приоритетной по отношению ко всем другим миссиям. Сергей Булгаков назвал это «творческим саморождением человечества»:

«Историческое рождение человека, существа свободного и богоподобного, не только предполагает рождение в собственном смысле..., но и некое *самосотворение человека*. Последний не только рождается тем или иным, но он становится самим собой лишь чрез свободное свое произволение, как бы *изъявляя согласие на самого себя, определяя свое собственное существо*»³.

Саморождение человека происходит на всех уровнях, от индивидуального до универсального. Та общность, которая объединяет людей как представителей биологического вида, постепенно в ходе их воспитания и взросления распадается на множество групповых идентичностей. Они учатся быть гражданами своей страны, прихожанами своей церкви, мастерами своего ремесла, болельщиками своего клуба, последователями той или иной моды, защитниками тех или иных социально-политических интересов. Они определяют себя расово, этнически, гендерно, профессионально... При этом для большинства их принадлежность к человечеству становится абстракцией, которая никак не определяет сферу их практических интересов и действий.

Вочеловечение – это новое воссоединение индивида с человечеством, уже как цель и возможность личностного развития. Судьба и ценности всего человечества переносятся в центр личных интересов. Вочеловечение восстанавливает на уровне индивидуальной

³ Булгаков С.Н. Свет невечерний. Созерцания и умозрения. Отдел III. Человеческая история. 1. Конкретное время, <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/43415> (курсив мой. — М.Э.).

рефлексии и волевых актов ту общность человеческого рода, которая присуща людям как биологическому виду.

В XIX веке Огюст Конт выступил с идеей религиозного почитания человечества, предложил новые обряды, священство, календари. Рациональное зерно этой идеи все еще было заключено в религиозно-догматическую оболочку: создать еще одну сверхконфессию, чтобы человечество поклонялось самому себе. В XX веке человечество, раздираемое классовыми, национальными, религиозно-политическими конфликтами, утратило осознание своего единства. В XXI веке, на основе политико-экономической глобализации и развития коммуникативных сетей, заново утверждается идея всечеловечества. Это самоорганизация вида *homo sapiens*, разумность которого проявляется и в том, что он сознательно относит себя к своему виду, а не отнесен к нему лишь природой.

Всецеловечество – союз интеллигентов, т.е. свободных мыслящих индивидов. В нем возможно только индивидуальное членство – в отличие Организации Объединенных Наций, Всемирного Совета Церквей и других глобальных организаций, объединяющих общности, коллективы. Парадокс в том, что вступить в этот Союз с наибольшей вероятностью могут люди, принципиально не вступающие ни в какие организации, потому что их потребность быть прежде всего человеком противоречит любому «членству». Карл Ясперс писал:

«Тот, кто хочет жить в незамкнутом, неорганизованном и не допускающем организации сообществе подлинных людей – раньше это называли невидимой церковью – тот фактически живет в наши дни как единичный человек, связанный с другими рассеянными по земному шару единичными людьми, в союзе, который устоит в любой катастрофе, в доверии, которое не зафиксировано в договорах и не гарантируется выполнением каких-либо определенных требований»⁴.

Этот союз рефлексивен, основан на экзистенциальном выборе, *решении стать* человеком, и не предполагает никаких форм внешней организации.

При этом всечеловечность понимается не догматически, как набор определенных ценностей, а критически, как способность выходить за границы любой общности и тем самым принадлежать к общности всего человечества. В этом смысле наибольшая индивидуальность совпадает с наибольшей универсальностью, как об этом писал Вл. Соловьев⁵. Все то, чем мы не вмещаемся в нации, партии, профессии, клубы, принадлежит нам как индивидам – и одновременно человечеству как самому вместительному универсуму. Интеллигентность – это область выхода за границы тех культур, которым мы принадлежим по рождению и воспитанию (национальных, профессиональных и т.п.),

⁴ Ясперс К. Истоки истории и ее цель / пер. М.И. Левиной. М., 1976. Вып. 2. С. 130.

⁵ «...Универсальность существа находится в прямом отношении к его индивидуальности: чем оно универсальнее, тем оно индивидуальнее, а поэтому существо безусловно универсальное есть существо безусловно индивидуальное». Соловьев В. «Чтения о Богочеловечестве».
<http://www.litmir.me/br/?b=69856&p=28>.

способность их опредмечивать и преодолевать актами рефлексии, в том числе культурологической, и не замыкаться ни в одной из них.

2018. Необходимость интеллигенции

По мере того, как в России после 2010-х гг. заново набирала силу уния власти и народа, становится все очевиднее, что место интеллигенции в обществе не пусто, что это по-прежнему опасная вакансия и рискованное призвание. Набор эпитетов для этой “прослойки” широк: “пятая колонна”, “национал-предатели”, “совесть нации”, “представители гражданского общества”... Писатели Л. Улицкая, Д. Быков, О. Седакова, Д. Драгунский, В. Шендерович; историки Ю. Пивоваров и А. Зубов, деятели культуры и искусства И. Прохорова, Б. Гребенщиков, А. Макаревич, Ю. Шевчук, А. Сокуров, В. Мирзоев, А. Звягинцев.... Кратчайшее определение того, что связывает всех этих людей в контексте российской истории, содержится в одном слове: “интеллигенция”. Если явление обнаруживает свою неистощимую жизненность, значит, рано упразднить и понятие. В советское время к слову “интеллигент” прирастали такие эпитеты, как “хлюпик”, “мягкотелый”, “гнилой”, отчасти обусловленные тем, что интеллигенциягнулась перед властью и “трудовым народом”. Но то время прошло. Слово “интеллигенция” в новом, уже не просто постсоветском, но посткрымском контексте означает не слабость, а упорство, мужество, несгибаемость разума на очередном витке российской истории.

Так что же такое интеллигенция и почему движение к интеллектуализму западного типа не отменяет ее ценности для современной цивилизации (в том числе американской)? Интеллигенция – это большая совесть бессовестного мира, разум безумного государства, свет непросвещенного общества... Интеллигенция – это страдательное отношение интеллекта к обществу и власти вследствие провала или невоплотимости его социальной миссии и тех компромиссов, к которым его склоняет невразумляемый мир.

Участь интеллигенции в ее российском изводе – либо страдать под гнетом государства и в отчуждении от большинства населения, либо изменять себе в служении идолам власти и народа. Когда исчерпывается этот глубинный конфликт интеллекта с властью, тогда интеллигенция, выполнив свою миссию, может передать свои функции интеллектуалам, профессионально осуществляющим конструктивное предназначение разума.

Но даже самые интеллектуально продвинутые общества, как показывает новейшая история (немецкая, американская), не застрахованы от иррациональных импульсов власти, от идеологии почвы, от политики изоляции и национального превосходства. Таким обществам становится нужна интеллигенция, как глоток воздуха в спертой грудной клетке. Интеллигенция в русском смысле этого слова – ответ на ту репрессию, которой общество подвергает разум в латинском изводе (*intelligentia*). Это страдальческий ответ – порой благородный и жертвенный, порой компромиссный и предательский... Там, где процесс интеллектуализации общества проходит через проблемную, репрессивную зону, там возникает и интеллигенция, которая в свою очередь становится проблемой для самой себя. Из разрыва между индивидуальным разумом и непросвещенным социумом

рождается специфический комплекс неприкаянного и кающегося интеллигента. Порой он сомневается в своем праве на существование, но даже в этом самоотрицании выходит на новый уровень саморефлексии.

Взгляд в будущее

Во всех своих грядущих торжествах, объединенный интеллект человечества, как строитель техносферы и господин ноосферы, не имеет права забыть эту исторически несчастную “прослойку” интеллигенции, сдавленную между молотом власти и наковальней народа, эти искорки разума, гаснущие на холодном ветру космической и политической энтропии. Эти первопроходцы разума, даже не открывшие ничего нового, не построившие машин, не доказавшие никаких теорем, не создавшие научных направлений, тем не менее достойны своей скорбной и величественной страницы в летописи разума, его мучительных опытов и провалов социального воплощения.

Новые диспропорции в развитии разума могут привести к возрождению понятия *интеллигенции* в еще одном смысле – для обозначения естественного разума на его расходящихся путях с более могущественным, но бестелесным, а потому и “бессердечным” искусственным разумом. Можно представить, что в недалеком будущем “интеллигенцией” назовут, по старой ассоциации с диссидентской функцией разума, именно ту часть “природного” интеллекта, которая придет в трагическое противоречие с искусственным и может в конце концов пасть его жертвой. И так же, как в старых книгах писали: интеллигенция против КГБ, в новых напишут: интеллигенция против AI (human intelligentsia against Artificial Intelligence)